

УДК 811.512.142

DOI:10.35330/1991-6639-2020-2-94-111-117

ГЕНДЕРНАЯ ЛЕКСИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

М.З. УЛАКОВ, Л.Х. МАХИЕВА

Институт гуманитарных
исследований – филиал ФГБНУ
«Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской
академии наук» 360000, Нальчик, ул.
Пушкина, 18 E-mail: kbigi@mail.ru

В статье впервые рассматривается актуальная проблема современного карачаевобалкарского языка – гендерный аспект. На богатом лексикографическом материале исследуемого языка осуществлен анализ основных лингвистических гендерных речевых формул. Целевая направленность статьи связана с выявлением ключевых особенностей речевого поведения двух подсистем – мужского и женского, а также их использованием в определенном дискурсе гендерного модуса отношений. Материалом исследования послужили языковые единицы с гендерной семантикой, извлеченные из словарей карачаево-балкарского языка, и опубликованных материалов этического кодекса карачаево-балкарского народа.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, функционально-стилевой аспект, этикет, типы речевого поведения, половозрастная субординация.

В последние годы в тюркологии интенсивно развиваются перспективные направления исследований, опирающиеся на антропоцентрический подход к изучению языковых явлений. Особое место в таких лингвистических направлениях занимают гендерные исследования. Особенность тюркских языков в этом аспекте заключается в том, что в них отсутствует, например, в отличие от русского языка, категория рода **он, она, оно**, поэтому она в этих языках грамматически не определяется, а выражается на лексическом уровне: **эркек** «самец», **тиши** «самка», **эркегырыу** «мужчина», **тиширыу** «женщина», **ата** «отец», **ана** «мать», **жаши** «парень, сын», **къыз** «девушка, дочь», **киши** «мужчина, мужик», **къатын** «женщина». В таком же аспекте идет именование домашних и диких животных, видовые наименования определяются словами **эркек** «самец, особь мужского пола», **тиши** «самка, матка»: **эркек бузоу** «теленок самец», **эркек ит** «собака самец», **тиши бузоу** «теленок самка», **тиши ит** «собака самка», а видовые наименования определяются самостоятельными терминами, как, например, **ёгюз** «бык», **ийнек** «корова», **ажир** «жеребец», **байтал** «кобыла,

кобылица» и т.д. Именно в этом кроется основная причина развитости и распространенности гендерной лексики в тюркских языках.

В тюркологии гендер может рассматриваться с точки зрения социологии, культурологии, психологии и лингвистики. К настоящему времени накоплен значительный теоретический материал по вопросам гендерной лингвистики. Данная проблема лучше разработана в русистике. Как отмечает Т.Ж. Токтарова, «... если в самом начале в качестве объекта исследования гендерной лингвистики выступали проблемы отражения гендера преимущественно в аспекте анализа живой речи представителей разных полов, то на данном этапе в круг её интересов входят самые различные вопросы, касающиеся связи языка со всеми видами человеческой деятельности» [1, с. 107].

В частности, А.В. Кирилина считает, что «...речь представителей разных гендерных групп имеет свои особенности, что и мотивирует возникновение термина гендерлекта, или женского/ мужского стиля общения» [2, с. 138]. Следовательно, особенности построения мужской и женской речи появляются на разных уровнях коммуникации. Однако проблемы гендерной лингвистики, особенно в лексическом и эмоционально-экспрессивных аспектах – наименее разработанная область. Речевые особенности – *мужской, женский* – не квалифицированы в словарных статьях, т.е. не снабжены специальными пометами даже в современных тюркоязычных словарях. Даже некоторые маститые писатели, журналисты радио и телевидения допускают такие ошибки. Это служит причиной смещения речевых норм рассматриваемого языка. Учитывая это, в ряде вузовских спецкурсов по стилистике и культуре речи такие вопросы начали освещаться на требуемом уровне.

Изучение исследовательских взглядов на понятие *гендер* позволило нам выявить наиболее распространенные и характерные его свойства и признаки. Термин *гендер* пришел из английского языка «*gender*», в котором он обозначал грамматическую категорию рода. Начиная с 1960-х годов, понятие *гендер* расширилось, «...поскольку оно стало трактоваться в том числе и как социопсихологическая категория» [3, с. 725]. В современной лингвистике существует довольно много определений, посвященных анализу данного понятия, где отражены различные подходы к истолкованию его содержания. Мы разделяем мнение тех исследователей, которые отмечают под этим термином специфический набор социальных и культурных норм, характеристик, которые определяют различия в речевом поведении и форме общения женщин и мужчин, а также их взаимоотношения между собой.

В современном языкознании выделяются три наиболее значимых подхода в области гендерных исследований.

Так, например, первый подход сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и ориентирован на выявление тех языковых различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе. При этом «*мужской*» или «*женский*» язык определяется как некая функциональная производная от основного языка, используемая в тех случаях, когда партнеры по речи находятся на разных ступенях социальной иерархии, а также в различных половозрастных группах.

Второй социопсихологический подход научно редуцирует «*женский*» и «*мужской*» язык до особенностей языкового поведения полов. Для ученых, работающих в данном направлении, статистические показатели или определения средних параметров имеют основополагающую значимость и составляют каркас для построения

психолингвистических теорий мужского и женского типов речевого поведения. Далее эти разработки могут быть востребованы при составлении сборников по стилистике, культуре речи и лексикографических справочников.

Представители третьего направления в целом делают упор на когнитивный аспект различий в языковом поведении полов. Для них оказывается более значимым не только определение частотности различий и оперирование ее показателями, но и создание целостных лингвистических моделей когнитивных оснований языковых категорий [4].

Тем не менее, несмотря на такое пристальное внимание к рассматриваемому феномену, в научных исследованиях в тюркологии и, в частности, в современных тюркских языках еще не сложилась его однозначная научная интерпретация. Это объясняется тем, что оно носит междисциплинарный характер и соответственно понимается исследователями неоднозначно.

В исследуемом языке с точки зрения национально-культурной специфики анализ гендерных стереотипов связан с большими трудностями для исследователя, что определяется прежде всего недостаточной разработанностью гендерных исследований в области вербальных стереотипов, связанных с социальной природой языка *женщины и мужчины*. Понятие «гендерный стереотип» является одним из базовых понятий современной гендерологии. «Под гендерными стереотипами понимаются совокупности качеств, норм поведения и других характеристик, приписываемых представителям обоих полов носителями определенной культуры и отраженных в их языке» [5, с. 35].

Говоря о гендерных стереотипах, следует учитывать, «... что они изменчивы, и вместе с развитием общества они также трансформируются. Советская власть уравнила социальный статус мужчин и женщин. Ведь во многих мусульманских странах за это право еще ведется борьба» [6, с. 275]. Вместе с тем нужно отметить, что для каждой этнокультурной группы характерна своя полоролевая модель, которая имеет как свои особенности, так и различия в гендерных нормах социума.

В современном карачаево-балкарском языке особенности менталитета и стереотипов поведения носителей языка накладывают отпечаток на функционально-стилевой аспект общения *мужчин и женщин*. В частности, основным компонентом гендерных стереотипов являются традиции, народные обычаи, этикет, половозрастная субординация, национальная психология карачаевцев и балкарцев. По мнению А.В. Кирилина, «... гендерные стереотипы фиксируют в языке представления о мужественности и женственности и связанных с ними моделях поведения индивидов» [7, с. 180]. Заметим, что изначально в речевом лексиконе мужчин и женщин эволюционируют гендерные различия. Происходит постепенная трансформация современной речи карачаевцев и балкарцев. Например, в этикете важным фактором, свидетельствующим о воспитанности человека, явились знание норм приветствий и их обязательное соблюдение. В качестве ответа на приветствие в карачаево-балкарском языке выступают этикетные формулы «благодарности – благопожелания», обусловленные определенной ситуацией: сау бол, Аллах ыразы болсун «*будь здоров, пусть Аллах будет тобой доволен*», къууанчлагъа келиучю бол «*чтобы (ты) приходил по радостным поводам*»; сау бол, жашауунг татлы болсун! «*будь здоров, пусть твоя жизнь будет сладкой*» [8, с. 51]. Как видно из примеров, приветствия представляют собой краткие благопожелания, с которых начинаются любые встречи и разговоры. По нормам этикета эти формы самые разнообразные в зависимости от ситуации, времени, места и т.д., в которых встречаются люди: эртген ахшы болсун! «*доброе утро!*», кюн ахшы болсун! «*добрый день!*», ингир ахшы болсун! «*добрый вечер!*». На данный выбор той или иной лексической единицы влияет время суток. Среди молодежи вне зависимости от пола,

от времени суток распространенным является приветствие **салам!** «*привет!*» Среди мужчин распространенным является приветствие мусульман мира «ассалам алейкум» – дословно «*мир вам*», на которое отвечают «алейкум ассалам» – дословно «*вам тоже мир*». В последние годы в связи с ростом религиозного самосознания в женском лексиконе распространение получило приветствие салам алейкум! – дословно «*мир вам!*»). Хорошо знакомые, близкие часто употребляют дружеские формулы. Они могут приветствовать друг друга следующими формами, требующими определенного ответа: кьалайса «*как дела*», игиме «*хорошо*»; прощания типа *пока!* (носящий фамильярный оттенок) и др. Следует отметить, что для женской речи существуют определенные правила и этикетные нормы речевого поведения, присущие родной культуре общения. Запрещающим является использование в речи неприличных, грубо-просторечных, матерных слов и выражений, т.е. ненормированной лексики. Наши наблюдения показали, что для «*женского*» языка в большей степени характерно употребление эмоционально-экспрессивных оценочных слов и выражений. В исследуемом языке эмоциональная окраска слова может выражать положительную или отрицательную оценку, передающую различные оттенки чувств человека: радости и печали, огорчения, сожаления, удивления, которые ориентированы на внутренний мир человека. Условно их можно разделить на группы слов с положительными и отрицательными эмоциями. К отрицательной эмоциональной лексике относятся слова с отрицательной окраской, открыто выражающие бранное, ироническое, грубо осудительное, укорительное, презрительное, ироническое, неодобрительное, уничижительное, пренебрежительное отношение говорящего к предмету речи или адресату. На отрицательный признак в поведении и для характеристики полов указывают бранные лексические единицы, вызывающие всеобщее презрение. Ср.: ичгичи «*пьяница, алкоголик*», уручу «*вор, ворюга*», кьаукьалакъ «*лентяй, бездельник, шалопай*», гудучу «*мошенник, жулик*» и др.

Значительную часть слов с эмотивным значением в языке *женщин* и *мужчин* представляют:

1) модальные клятвенные слова, выражения и словосочетания. Они выражают отношение говорящего лица к той или иной связи, которая устанавливается им между содержанием высказывания и действительностью. Например, в женском лексиконе употребляются: аллахныхакьына «*ради бога*» (букв. *во имя Аллаха*), истинен Аллах» билген Аллахды «*по всей вероятности*», бир Аллах «*един Аллах*», ёлгенлерими жаны ючюн «*душами покойных родичей*», атамы жаны ючюн! «*клянусь душой моего отца!*», ёлейим «*честное слово*», бу кюнню хакьына «*истиной этого солнца*», кьуран бла ант этеме «*клянусь кораном*» и др. В мужской речи они выражают логическую оценку высказывания, реальность сообщаемого: тейри «*честное слово*», уоллахий, билляхий «*ей богу*», айхай да «*конечно*», сёзсюз «*безусловно*». Встречаются также словосочетания типа: Аллах бла ант этеме «*клянусь богом*», жаным ант этдир «*клянусь своей душой*» (карач.), жаным ичимде болуп «*если моя душа будет во мне*» и др. Модальные слова, выражающие предположение, утверждение, побуждение, возможности и отрицание типа: эштада «*наверное, видно, должно быть*», ким биледи «*кто знает, как знать*», кертиси бла да «*действительно, на самом деле*», тюзюн айтханда «*по правде говоря*», сёзсюз, ишексиз, «*несомненно*», не билейим «*может быть, едва ли*», баям «*наверное*», болургъа болур «*возможно*», жарайды «*можно*», кьысхасы «*короче говоря, в общем*», жокь «*нет, не имеется*» и др.;

2) кьастла «*обеты*», часто встречаются в речи мужчин. Например: антсызма «*клятвопреступник, если...*», мен да мен тьуйюлме «*я не я*», анамдан ичген сютюм харам

болсун «*выпитое от моей матери молоко пусть будет мне не впрок*», башыма жаулуку кысарма «*надену на голову платок*», кесими эр кишиге санамам «*не буду считать себя мужчиной*» и др.;

3) кьаргъаньула «*заверения, божба*», они употребительны как в женской, так и мужской речи. Женские заверения: мен ёлейим «*умереть мне*», танга сау жетмейим «*не дожить мне до рассвета*», кьара жерге кирейим «*лечь мне в черную землю*», игилик кёрмей кьалайым «*не увидеть мне добра*»; мужские заверения: юйюме ант кирсин «*да достигнет мой дом проклятие, если я...*», юйюме сау бармайым «*не вернуться мне домой живым*», экибиз да елмейик «*не умереть нам двоим*», башымы кесдиреме «*даю голову на отсечение*», мени Тейри урсун «*пусть меня поразит Тейри*».

Как показывает языковая практика, в женской речи имеется большое количество междометий, довольно часто в речи упоминается имя Аллаха.

Междометия – это особый разряд слов, выражающих разнообразные оттенки чувств: восторг, восхищение, радость, одобрение, удивление, испуг, возмущение, презрение, сожаление и др. По половому признаку междометия группируются на «женские» и «мужские». В женской речи доминируют междометия: *а, ай, ах, ой, ух, ой-ой-ой, ай-ай-ай, э, эй* и др. Как и в других тюркских языках, «... в карачаево-балкарском языке междометия бывают непримечательными (корневыми) и производными, из которых преобладают вторые. Большинство производных междометий образуется от имен существительных и устойчивых сочетаний слов, а другие от глаголов и частиц» [9, с. 270]. Приведем примеры: Аллах! «*бог*», тамаша «*интерес к кому-чему; восхищение кем-чем*»; Аллах сакъласын! «*да спасет бог*», ма санга «*на тебе*»; ох! «*ладно, пусть*», ий! «*ой*» и др. Наблюдается употребление в речи междометий, выраженных устойчивыми сочетаниями и идиомами [11, с. 215; 12, с. 75]. Например, ай иги сагъан «*вот если бы*», оу юйюм, оу эшигим «*о боже мой*», эй кызы жарлы, анга бир кьара «*боже упаси, смотри на него (неё)*», тоба-тоба «*свят, свят, ойой! о боже!*», угъай да! «*еще как!*», кёремисе аны! «*ты смотри на него*», ой мен харип «*ой, я несчастная*», о, кьор болайым санга «*о, я отдам душу за тебя*» и др. Нередко в речи междометия повторяются и три раза: оллох-оллох-оллох!, тоба-тоба-тоба! «*Алла сохрани!*». В женской речи можно чаще услышать обращения: например, к младшим взрослые обращаются жашым «*сын (мой)*», кызым «*дочь (моя)*», балам «*дитя (мое)*».

Хотелось бы отметить и то, что этикет народа всегда учитывает экстралингвистические параметры выбора обращения. К ним можно отнести такие критерии, как пол, возраст адресата, положение в социуме, родственные и иные межличностные отношения и т. д. В гендерной речевой практике в исследуемом языке употребительны различного типа нейтральные обращения, представленные терминами родства. Ср.: ай, кьарындашым «*ай брат, мой*», а-а, эгечден туугъан «*а-а, племянница*», ай, балачыкь «*эй, дитя*», э, жаш «*э, юноша*» и др. В карачаево-балкарском языке на религиозно-мистической основе сохранился вид табуирования, связанный с обычаем народа, запрещающим произносить имена мужа, жены, свекра, свекрови, умерших и других. Прозвища бывают связаны с обычаями и традициями, например, с утаиванием настоящего имени супруга / супруги близких родственников. В основном этого придерживается старшее поколение. В кругу родственников употребительны эвфемистические обращения в мужской речи типа: кемпир / кампур «*старуха*» (обращение к жене), сабийлени анасы «*мать детей*», кьатын «*женщина*» (грубое), бийче «*супруга, жена*» (возвышенное); в женской речи обращения к мужу: сабийлени атасы «*отец детей*», э киши «*э, мужчина*», аттяны неда амманы жашы «*супруг мой*», алан «*обращения жены или мужа*», биздеги «*наши*» (так жена называет мужа

при людях,) и др. Обратим внимание, что прозвища репрезентируют социум по месту происхождения: холамлы, малкъарлы, чегемли и др. В женской речи в форме почтительного обращения часто используются такие слова, как акъсакъл, тамата «*почтительное обращение к старику*», хурметли, сыйлы «*уважаемый*», багъалы «*дорогой*», а также номинации по имени-отчеству и др.

Как тенденция развития изучаемого аспекта карачаево-балкарского языка отмечается, что «...с возрастанием культурного уровня карачаевцев и балкарцев и изменением социальных и бытовых отношений в их среде стало традицией при обращении младших к старшим, а также в уважительном общении, вежливом обращении употребления местоимения сиз «*вы*» [10, с. 41]. Например, кечгинлик беригиз «*извините*», тынч-ырахат болугъуз «*все ли у вас хорошо, мирно*», жаным сизге къурман болсун «*да будет моя жизнь жертвой за вас*» и т.д.

К мужской речи примыкают сложные междометия, образованные путем лексикализации словосочетаний. Ср.: ай талаланган (таланмагъан)! «*да неужто!*» (от ай! «*ой!*, эх!») и таланган, таланмагъан «*искусанный, не искусанный*»), ай анасыны! «*эх!*» (от ай! «*эх!*») и анасыны «*его (ее) матери*»), ай медет «*увы!*, *ах!*» (от ай! «*эх!*») и медет «*жаль!*, *как жаль!*», ай юйюнге! «*да неужели*» (от ай! «*эх!*») и юйюнге «*к твоему дому, в твой дом*» и др.

Представители сильного пола так или иначе более тяготеют к ненормативной лексике. В речи мужчин больше встречаются элементы вульгарной лексики. Чаще в языке представителей молодого поколения используются слова и выражения бранной лексики и инвективы, сленговые и матерные слова и выражения.

Подводя итоги проведенного анализа, можно констатировать, что в изучаемом языке формулы речевого этикета отличаются весьма разной степенью гендерной маркированности. Это обусловлено этнокультурными и экстралингвистическими факторами. Не вызывает сомнения, что на степень проявления гендерных различий влияют и такие социальные факторы, как уровень образования, профессиональная деятельность и социальное окружение. Проведенный анализ показал, что мужская речь более коротка и точна, чем женская, поскольку мужчина в своих суждениях, выражениях более категоричен, чем женщина. При речевом взаимодействии женские образы более эмоциональны, мужчины более сдержанны в проявлении эмоций и чувств. В женской речи наблюдается наиболее частое использование междометий, оценочных высказываний, выражающих эмотив. Значительное место в речи женщин занимает эмоционально-оценочная лексика, а мужская оценочная лексика стилистически нейтральна. Мужская речь чаще включает стилистически сниженную, грубую, бранную лексику, они гораздо чаще употребляют сленговые (жаргонные) слова и выражения, а также используют ненормативную лексику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токтарова М.Ж. Специфика гендерных стереотипов в речевом поведении // Международный журнал экспериментального образования. № 7. 2013. С. 107-110.
2. Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 138.
3. Матунова Г.А. Проблема изучения гендера в отечественной лингвистике // Молодой ученый. 2017. № 14. С. 725-728.

4. *Колосова О.Н.* Когнитивное основание языковых категорий (на мат. совр. англ. языка): дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996.
5. *Дадова З.И.* Отрицательно коннотированная оценочная объективация женского образа в языке (на паремиологическом материале русского, английского, кабардино-черкесского языков) // «Перспектива-2005»: Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Т. 1. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2005. С. 34-37.
6. *Хапчаева Т.Х.* Гендерные исследования в литературе и лингвистике // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы шестой международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории. 3-6 октября. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. С. 274-276.
7. *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 180 с.
8. *Башиева С.К. Геляева А.И.* Место и роль речевого этикета в формировании культуры толерантности // Язык. Словесность. Культура. 2011. №1. С. 45-55.
9. *Гузеев Ж.М., Махиева Л.Х.* О переходе самостоятельных слов в эмоциональноэкспрессивные (на материале карачаево-балкарского языка) // Известия КабардиноБалкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 270-276.
10. *Улаков М.З.* Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с.
11. *Улаков М.З., Хуболов С.М.* Адвербальные фразеологизмы как репрезентаторы различных типов конкретизаторов в карачаево-балкарском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2014. № 2. С. 213-216.
12. *Хуболов С.М.* Карачаево-балкарская фразеология. Нальчик, 2018. 86 с.

Работа поступила 09.04.2020 г.